

СОЦИОЛОГИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ

УДК 111.1

ФЕНОМЕН ГРАНИЦЫ

© 2010 г.

Т.В. Куликова

Нижегородский государственный педагогический университет

tomavk@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.10.2010

Исследуется философский смысл границы. Проблема границы состоит не в том, что есть такая граница, которая устанавливает предел возможностям человека, а в наличии онтологически значимых пограничных состояний, благодаря которым становится возможным выход человека к более глубоким смыслам бытия. В этих пограничных, предельных состояниях и обнаруживается феномен границы, совершается событие мысли, усиливается понимание бытия.

Ключевые слова: граница, феномен, онтологически значимые пограничные ситуации, смысл бытия, событие мысли.

Метафизические размышления на тему границы имеют давнюю историю. Уже в самом начале формирования философского мировоззрения граница в значении предела, меры стала предметом рефлексии. Подтверждением являются изречения древнегреческих философов: «лучшее – мера»; «человек есть мера всех вещей»; «невозможно знать, пока не дойдёшь до неделимого...». Постепенно граница обретала статус не просто понятия, а некоей концептуальной идеи, вокруг которой формировались основные положения целого ряда философских школ и направлений.

У каждой эпохи – свои горизонты и своё понимание предела возможного и невозможного, поэтому в исследовании феномена границы важно учитывать фактор времени, выявляющий новые аспекты проблемы границы. Когда происходит смена социокультурного контекста, то на «стыке» сложившихся, действующих традиций и формирующихся новых тенденций возникает феномен границы, указывающий на то, что эти новые тенденции не сразу становятся в полной мере альтернативой доминирующему типу мышления и знания. Эта пограничная или «экстремальная ситуация, когда границы состояний не ясны» (Л. Микешина), существенно меняет характер и содержание мышления. С одной стороны, «неопределённость границ порождает споры» (Г.В. Лейбниц), с другой – именно поэтому «границы обладают притягательной силой» (К. Ясперс). Самые устойчивые жизненные формы, как справедливо заметил Л. Баткин,

со временем утрачивают своё культурное значение, хотя само это время «драматических смысловых преобразований», «сдвигов» сохраняет онтологическое культурное значение.

В своём развитии культура переживает кризисы, в которых «чувствуется переход к новой мировой эпохе» (Н. Бердяев). Это то время, когда многое из происходящего ещё никто не в состоянии оценить адекватно, когда зарождающееся новое пока не воспринимается как новое, потому что как бы витает в воздухе, не найдя ещё подходящих для себя форм выражения. В это время проявляется значение исторического и культурного наследия, нашей укоренённости в традиции. Всё новое возникает в пределах старого, узнаётся в соотношении с ним. Зарождающееся новое какое-то время находится пока ещё в начале пути узнавания себя, поэтому некоторое время остается «безмянным» (как это было, например, с явлением «супрематизма» в русской живописи) или заявляет о себе на этом этапе в форме критики классического, традиционного. Но сама эта критика – свидетельство того, что классическое и традиционное не исчерпало себя, иначе бы оно не заслуживало критического к себе отношения. Зарождающееся новое, в начале своего пути не замеченное, легче оценить, конечно, с исторической дистанции, в перспективе прошедших лет, когда оно получает определённую культурную форму.

Граница – феномен переходного, кризисного времени. Понятие кризиса довольно объёмно, но самым существенным для любой из его форм

является сознание границы, у которой многое из того, что некогда казалось предельно ясным и понятным, становится проблематичным, подвергается сомнению или же, наоборот, обретает ясную форму выражения и смысл то, что ранее не имело никакого смысла. В это время, когда человек начинает ощущать себя пограничным существом, происходит углублённая работа самосознания, способная в корне изменить жизненные установки человека, его мировоззрение, ценностные предпочтения. На границе, у крайнего предела, совсем другое ощущение времени. Опыт предела, границы обостряет восприятие мира и даёт возможность познания более глубокого смысла бытия. В парадоксальном мире границы истина выходит за пределы обычного, нормального, потому что само время ставит под сомнение нормы и критерии «должного», «прекрасного», «истинного», считавшиеся непогрешимыми.

Мышление на границе возможного и невозможного, знания и незнания неизбежно приобретает черты парадоксальности, антиномичности, алогичности. Все эти «моменты» раскрывают не только диалектику познания, но переходный, пограничный характер сознания, природу творчества как познания на пределе возможного. В творческом усилии человек обретает «безмерный опыт глубины» (М. Бланшо), опыт преодоления собственной ограниченности. Философия неклассического типа с её проектами «нового мышления» и переходом «от мира науки к миру жизни» (Г.-Г. Гадамер) даёт такие примеры «балансирования на грани невозможного» (П. Гайденок), «обратного логического хода» (П. Гуревич), «расширения “поля” рациональности» (Л. Микешина). В предельных, пограничных состояниях, онтологически значимых для понимания смысла бытия, обнаруживается феномен границы.

Как уже было сказано, философский смысл границы раскрывается во временном контексте, который учитывает сложные связи социальных, культурных смыслов традиции с современностью. М. Бахтин «серьёзность и значительность» культуры связал с её существованием на границах: «Не должно однако представлять себе область культуры как некое пространственное целое, имеющее границы, но имеющее и внутреннюю территорию. Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент её, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле её. *Каждый культурный акт существенно живет на*

границах: в этом его серьёзность и значительность; отвлечённый от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» (курсив мой. – Т.К.) [1, с. 265]. Культуру и человека в культуре М. Бахтин рассматривает как бытие на границе – открытое, становящееся, не завершённое бытие. В контексте сказанного Бахтиным возникает вопрос: в чём состоит серьёзность и значительность самой границы? Вероятно, существование границы связано с проблемой продуктивности ограничения, носителем которой является культурная традиция, а с другой стороны – с проблемой перехода. Как справедливо заметил К. Ясперс, «всё великое есть явление на стадии перехода». Это сложное время (перехода) отмечено особой динамикой поиска, поэтому здесь больше вопросов, чем ответов, поэтому связь с традицией принимает форму критического к ней отношения. Но именно в это время и начинается активный процесс зарождения новых идей.

Идея перехода и идея продуктивного ограничения, дополняя друг друга, одинаково необходимы для понимания бытийного статуса границы, которому в большей степени соответствует *понятие культурно-исторического горизонта*. В его содержание входит идея потенциального, возможного бытия, которое значительно превосходит мир актуального, действительного, связано с ним. Кроме того, оно включает в себя идею продуктивного ограничения, предела, устанавливаемого временем и необходимого как культурный фон, основание для осуществления познавательной деятельности. Понятие горизонта указывает на изменчивый, подвижный, открытый характер границы, что ни в коем случае не является аргументом для отрицания самого факта её существования. Напротив, открытость границы ставит проблему перехода как «выражения бытия» (К. Ясперс), «истины бытия» (М. Хайдеггер).

Мы находимся внутри социально-исторического опыта, который нас продуктивно ограничивает. Нельзя перепрыгнуть «через голову культуры» (М. Бахтин). Если мы действительно хотим понять подлинный смысл происходящего, необходимо учитывать культурно-исторический горизонт, «целостный контекст культуры данной эпохи». Понятие «горизонт» подчёркивает зависимость человека от традиции, от её культурного «кода»; с другой стороны, учитывает фактор изменяющегося времени и его роль в познании, в расширении границ индивидуальной свободы – свободы от устаревших традиций, от общего стиля эпохи. Вдумчивое отно-

шение к традиции защищает от крайностей, способствует восстановлению разорванной связи времён.

Тайна времени и человеческой индивидуальности – сложные философские проблемы, взаимосвязанные между собой, и в этой связи проясняющие смысл культурно-исторического горизонта. М. Мерло-Понти поставил время и субъективность в отношении «интимной связи», ибо «время предполагает взгляд на время». Время – единственный способ измерения нашего бытия и «свидетель» незавершённой целостности. Что значит «быть вне времени» или «быть героем своего времени»? Как характеризует человека брошенный им вызов времени или же, наоборот, когда он сам в культурном наследии прошлого находит вызов своему мышлению?

В представлении К. Ясперса, только как историческое существо человек оказывается в пограничной ситуации; в пограничной ситуации, наталкиваясь на свои собственные границы, «он познаёт вечность во времени, историчность как явление бытия, уничтожение времени во времени». Историю Ясперс назвал «великим вопросом», который ещё ждёт своего решения. По его мнению, «материал традиции является основанием и границей нашего исторического знания». Он ставит интересный вопрос о (не)случайности отбора того, что передаёт традиция, разбирает возможные варианты ответа на него, выбирая *философскую* установку, которая исключает альтернативу «исторического пессимизма» и «исторического оптимизма», удерживая вместе негативное и позитивное в истории. Сложность проблемы традиции Ясперс связал с *радикальным различием*, которое существует всегда между тем, что есть и знанием о нём; иными словами, *между действительной историей и осознанной историей*. Для Ясперса историческое сознание есть «явление во времени», а «открытие истории» – осознание «радикального различия», но в то же время и понимание истории как одновременности «происходящего и его самосознания», «истории и знания истории». У границ того, что не есть история, приходит понимание смысла истории, который Ясперс связывал с проблемой *единства* истории. История «обладает границами», и в то же время она есть «переход как выражение бытия». Ясперс считал важным удерживать в сознании именно такое понимание истории. В его рассуждениях очевидно влияние Гегеля, с именем которого и связывают «открытие истории». Гегелевскому пониманию исторического процесса Ясперс дал высокую оценку, поскольку за-

данный Гегелем глубинный уровень осмысления этого процесса сегодня ещё не достигнут. Показав действенность принципа историзма, Гегель тем самым оказал значительное влияние на философию XIX и XX столетия, поставил такие вопросы, которые «бросают вызов нашему мышлению».

Понятие и сама идея горизонта – это «продукт» развития исторического сознания. Проблематизацию темы горизонта связывают с именем Э. Гуссерля. Взгляд основателя феноменологии погружается в «зияющую пропасть смысла» между сознанием и реальностью. Результатом осмысления такого рода границы – «между» – и стало понятие горизонта.

К проблеме горизонта, в которой соединяются две другие – бытие и время, обращается М. Хайдеггер, явно под влиянием идей своего учителя (Э. Гуссерля). Уже в первых строках «Бытия и времени» Хайдеггер связывает в единое целое «время» и «горизонт». В определение горизонта входит «средняя понятность», которая, тем не менее, «лишь демонстрирует непонятность». Хайдеггер объясняет, что «мы всегда уже живём в некоей бытийной понятности», или «усреднённой понятности, которая заключается уже в языке, каким говорим мы, выговариваясь». Он приписывает речи, говорению «бытийную тенденцию», подчёркивая, что «разные люди имеют в виду *то же самое*, поскольку они вместе, сообщая, понимают сказанное с *той же самой* усреднённостью», что «слушание и понимание заведомо цепляются за говоримое как таковое» [2, с. 32].

Хайдеггер проблематизирует тему открытости сознания. По сути, он говорит о том, что у каждого времени есть свой горизонт «понятности бытия» («мера здесьбытия»). Значение горизонта он объясняет в своей статье «Время картины мира»: «Только в горизонте извечной инаковости изменения проявляется полнота особенного, полнота фактов»; только в горизонте времени познание преобразуется в «исследование» и «всякая эпоха исторического совершенства не только отличается от другой своим особым величием, но каждый раз отличается и своим понятием о величии» [3, с. 139, 152]. Как видим, Хайдеггер обращает внимание на различие между происходящим и знанием (понятием) о нём. Для Хайдеггера бытие находится под вопросом именно в горизонте времени. Горизонт объясняет существующие предрассудки, и Хайдеггер, ставя перед собой цель реанимировать вопрос о смысле бытия, предпринимает первый шаг для её осуществления – «разбор предрассудков».

Проблема горизонтности, или открытости сознания, глубоко исследована М.К. Мамардашвили. Он связывает проблему сознания и свободы в единое целое. Сознание человека открыто, поэтому свободно, поэтому всегда есть возможность большего сознания: «...что бы мы ни сказали о сознании – не исчерпывает его всего, и никогда не есть *это* сознание, а всегда *что-то ещё*»; поэтому и предметом философии является не человек, а «*возможный человек*» – в этом смысле метафизика сознания является отрицательной, потому что «каждый раз, как только мы зафиксировали какой-то процесс становления сознания, оно уже не то, что мы зафиксировали» [4, с. 114]. По мнению Мамардашвили, занимаясь исследованием сознания, мы неизбежно попадаем в «сферу парадоксальности», не можем «уловить точку, где что-то возникает».

Есть нечто общее в рассуждениях Мамардашвили и Хайдеггера относительно горизонта понятности, хотя выражают они это по-разному. Но совершенно очевидно, что оба философа признают серьёзность данной проблемы. Вот что по этому поводу пишет Мамардашвили: «...другой человек *понимает тебя*, если уже понимает. Понимание случается тогда, когда помимо ряда словесно-знаковых форм присутствует дополнительный эффект сосуществования двух точек какого-то “поля”. И тогда мы узнаем, что если кто-то не понимал того, что ему говорят, то уже не поймёт, как бы ему ни объясняли. Это исключительно интересный факт, и подходы к его изучению, конечно же, должны быть междисциплинарными» [4, с. 116–117]. Такая расстановка акцентов – понимание возможно, если *уже* есть понимание – близка хайдеггеровской идее пред-понимания. И в том, и в другом случае мы имеем выход на проблему горизонта.

Та же идея открытости и горизонтности сознания представлена в философии экзистенциально-антропологической направленности с её пониманием человека как свободы (Ж.-П. Сартр), как незавершённой целостности. К. Ясперс, например, говорит о четырёх уровнях (горизонтах) бытия человека в мире: *личное бытие, сознание вообще, дух и экзистенция*. Открытие истины он связал с развёртыванием всех возможностей человеческого бытия. Всё значительное и великое в области духа, в том числе и величие человека, по его мнению, «всегда есть переход», «обусловлено переходом». Человеку не дано выйти за пределы своего времени, он действует всегда внутри определённого горизонта, но ему дано пережить

пограничную ситуацию как духовную ситуацию, то есть переход. Пограничной является та ситуация, от которой человек не может уклониться. Открытость человека для будущего Ясперс описывает как «состояние ожидания и поисков истины, ещё не-знания даже того, что уже есть». В этом смысле прошлое ещё не завершено, и человек всегда больше того, что он знает о себе.

Представление об открытости и незавершённой целостности человека имело место в традиции русской религиозной философии. По мнению Н. Бердяева, существование личности между внешней и внутренней жизнью, между «миром объективации» (необходимости) и «миром трансценденции» (свободы) подчёркивает её двойственную природу, переходный, пограничный характер её сознания. Весьма содержательной является его мысль о том, что «культура на вершинах своих приходит к самоотрицанию». Этой же точки зрения придерживался и Н.М. Бахтин (брат М.М. Бахтина), утверждая, что восстание против культуры «уже предусмотрено в ней и учтено». Другими словами, в самой культуре уже заложен механизм отрицания по отношению к уже сложившимся формам её существования.

А.Ф. Лосев акцентировал внимание ещё на одном аспекте проблемы горизонта: «...где она, эта идеальная культура, которая ничем не была бы ограничена и которая не имела бы никаких недостатков? Если бы такая идеальная культура и существовала, то это явилось бы концом всего исторического процесса, поскольку всё оказалось бы уже достигнуто и было бы некуда двигаться» [5, с. 232]. Он считал важным выделять «узловую идею» культуры, которая объясняла бы многие другие и представляла собой как бы «ядро» культурно-исторической эпохи. В то же время А.Ф. Лосев подчёркивал её «(духовную) ограниченность», ибо идеальной культуры не существует. Посвятив многие свои научные труды изучению античной культуры, Лосев определил её «узловую» идею как идею «вещественности», «телесности», связанную с художественно-эстетическим восприятием действительности. Понятие горизонта, или «узловой идеи» культуры, удерживает внутреннюю смысловую связь всех явлений культуры как целого.

Своё понимание горизонта даёт М. Фуко, акцентируя внимание на том, что сознание эпохи функционирует и развивается в рамках исторически сложившихся понятийных структур, которые чаще всего используются неосознанно: «Основополагающие коды любой культуры,

управляющие её языком, её схемами восприятия, её обменами, её формами выражения и воспроизведения, её ценностями, иерархией её практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться» [6, с. 38]. Кроме того, Фуко поднимает тему «безмолвного горизонта всего того, что предстаёт в зыбкой протяжённости не-мысли». Дело в том, что культурные эпохи отличаются наиболее значимыми для них оппозициями, на фоне которых функционирующие на данный момент идеи получают свою оценку. В приведённой выше цитате обращает на себя внимание понятие «порядок». Для Фуко это некий «внутренний закон» в вещах, тот самый «основополагающий код», который определяет свойство взгляда, логику, специфику языка и проч. Но действие этого «порядка» или «кода», тем не менее, имеет свои пределы. Фуко указывает на «порог, выше которого будет иметь место различие, а ниже – подобие». Речь в данном случае идёт о том, что «подобие» или общность взгляда определяется как раз зависимостью от «основополагающего кода» культуры, или культурно-исторического горизонта. Но существование человека в мире культуры помимо этой зависимости (когда мы мыслим на основе определённого «порядка») предполагает ещё и творчество в мысли, свободу воли и свободу выбора. «Коды языка, восприятия, практики» могут стать недействительными на определённом этапе развития.

Особый интерес у Фуко вызывает «промежуточная область» между «кодифицированным взглядом» и «рефлексивным познанием», которое не подчиняется «порядку», а, напротив, раскрывает его суть. Вот как описывает Фуко эту «промежуточную сферу»: «...она менее чётко очерчена, более непостижима и, пожалуй, менее доступна анализу. В этой сфере любая культура, незаметно отрываясь от предписываемых ей её первичными кодами эмпирических порядков, впервые занимая по отношению к ним определённую дистанцию, заставляет их терять свою изначальную прозрачность, перестаёт пассивно подчиняться их проникновению, освобождается от их непосредственного и незримого влияния, освобождается в достаточной мере, чтобы отметить, что эти порядки, возможно, не являются ни единственно возможными, ни наилучшими» [6, с. 33]. Значение этой «промежуточной области» Фуко видит в том, что она «раскрывает способы бытия порядка». Н.С. Автономова связывает эту «промежуточную область», для Фуко очень значимую, с по-

нятием «дискурса», тем смыслом, который в него вкладывал сам Фуко: «...это срединная область между всеобщими законами и индивидуальными явлениями, это область условий возможности языка и познания» [7, с. 26].

Очевиден интерес М. Фуко к области «пограничья», в отношении которой он выдвигает суждение о неопределённости её границ и предположение о неэффективности аналитического метода. Его «археология» является альтернативой кумулятивистскому типу исторического знания. История для Фуко – не история «нарастающего совершенствования» познаний. Через понятие «эпистема», объясняет Автономова, Фуко передаёт исторически изменяющиеся структуры («исторические априори»), определяющие те самые «условия возможности» познания в данный исторический период; он ищет «не эволюции тех или иных идей и представлений во времени, но их связной структуры в каждый исторический период, и интересуют его при этом не поверхностные различия между теми или иными мнениями, но их глубинное родство на уровне общих мыслительных структур данного периода» [7, с. 11]. В «Археологии знания», ставшей переломной в концепции Фуко, он углубляет археологический, то есть исторический метод исследования.

«Парадоксальная позиция» М. Фуко стала предметом внимания Л.А. Микешиной в контексте исследования проблем философии познания. Точку зрения М. Фуко она считает интересной своим философским отношением к оппозиции «разумение-неразумение», исключительным вниманием к «неопределённости границ между разумным и “неразумением”». Это, по мнению Л.А. Микешиной, позволяет увидеть «скрытые проблемы “здорового познания” и разума», поставить такие вопросы, которые находились за пределами эпистемологии и классической теории познания: «...в этой экстремальной ситуации, когда границы состояний не ясны, проявляется ещё одно основание принципа доверия когнитивным способностям человека. “Неразумие” может проявить его близость к природе, представленной в нём самом, обнаружить максимум его способностей, а также открыть возможности воображения и фантазии в предельном случае познания и творчества» [8, с. 185].

В понятии культурно-исторического горизонта учитывается не только сознательное построение мысли, но и неосознаваемые устремления эпохи, скрытые предпосылки сознания, о которых эпоха «проговаривается» и таким образом заставляет нас возвращаться в прошлое, к

«белым пятнам» истории, к еще не раскрытым и не понятым смыслам. Культурно-исторический горизонт объясняет и некоторую предопределённость мысли, пределы возможного, и стремление человека невозможное сделать возможным: «Опыт любого момента имеет свой горизонт. Сегодняшний опыт, который ещё не является завтрашним, имеет на горизонте некоторые намеки и скрытые смыслы, которые являются завтрашним на горизонте сегодняшнего. К опыту каждого человека может быть добавлен опыт других людей, живущих в его время или живших прежде, и таким образом общий мир опыта, больший, чем мир собственных наблюдений одного человека, может быть пережит каждым человеком. Однако, каким бы обширным ни мог быть общий мир, у него также есть свой горизонт; и на этом горизонте всегда появляется новый опыт...» [9, с. 301].

Понятие «горизонт» подчёркивает историческое измерение явлений культуры, их связь с определяющим фактором времени, который устанавливает пределы возможного, объясняет подвижный характер границ культуры. К этому аспекту проблемы обращается В.М. Межуев: «Границы культуры не неизменны, а исторически подвижны: они не пропасть и не стена, наглухо отгораживающие человека от остального мира, а *путь* <...>. Границы культуры – вся человеческая история от её начала и до её возможного или предполагаемого конца. История как единство прошлого, настоящего и будущего – вот подлинный масштаб культуры, наиболее общая единица её измерения» [10, с. 68]. Межуев объясняет, что философия в большей степени, чем любая другая наука, зависит от культурно-исторического горизонта. Именно поэтому не может быть одной философии для всех времён и народов. По его мнению, философ всегда «смотрит на мир глазами своей культуры, сознаёт он это или нет». И если научные выводы «сохраняют свою истинность и за пределами породившей их культуры», то «претензия философии быть истиной на все времена легко опровергается в иной культурной ситуации и со сменой исторических эпох» [10, с. 15–16]. Автор даёт глубокий анализ органической связи философии и культуры, раскрывая значение культурно-исторического горизонта. Спорным здесь является лишь одно утверждение, что «философские идеи живут в границах той культуры, которой они обязаны своим существованием».

Принято считать, что граница разделяет мир. Но так ли это? И да, и нет. Нет – поскольку философский подход к проблеме обнаруживает

символический характер границы. Она сама является символом перехода, символом пока ещё не раскрытых смыслов и не реализованных возможностей. Граница, соединяя разное, формирует особый «мир на границе» с парадоксальным существованием противоположного рядом друг с другом. Область пограничья – это такое противоречивое образование, в котором соединяется, казалось бы, несоединимое, где «разум и неразумие бесконечно меняются местами, вступают в опасную, обратимую связь» (М. Фуко). Парадоксальную природу данного феномена передают слова М.К. Мамардашвили, когда он говорит о такой «вещи, которую на самом деле очень трудно уловить», потому что «она лежит где-то на самой границе невыразимого и понимать её можно на какие-то молниеподобные секунды, а потом ощущение того, что понимал, – остаётся, а понимание исчезает. Его нужно снова восстанавливать. Поскольку есть какие-то предельные точки, на которых мы не можем усесться <...> и мы всё время соскальзываем вниз и потом снова должны карабкаться наверх...» [11, с. 418].

Феномен границы помогает связать рефлексивные и нерефлексивные формы познания в неразрывное целое, понять механизм актуализации необъективируемых, экзистенциальных структур. Граница является символом отношения, внутри которого осуществляется движение смысла. Механизм смыслообразования сложен, противоречив, допускает прерывность смысла. Уникальность феномена границы – в том поле напряжения, которое образуется в «между» (в со-бытии, со-понимании, со-творчестве, со-мышлении). Граница – это «место» не данности, а заданности смыслов. Смысл – в глубине, в сущности. А сущность не проявляется целиком и сразу. И движение смысла не является равномерным – в какой-то момент может произойти «онтологический слом», «разрыв», «сдвиг». Иными словами, смысл не может быть бесконечно актуальным. Движение смысла предполагает обратное актуальности – то, что получает определение бессмысленности, безрассудности, «неразумения».

А. Мигдал, занимаясь исследованием природы научного творчества, заметил, что «задачи науки лежат на границе между известным и неожиданным». Вот как он описывает область «пограничья»: «Тот, кто хотя бы однажды делал работу, лежащую на границе или, казалось бы, за границей возможного, знает, что есть только один путь – упорными и неотступными усилиями, решением вспомогательных задач, подходами с разных сторон, отменяя все препятствия,

отбрасывая все посторонние мысли, довести себя до состояния, которое можно назвать состоянием экстаза (или вдохновения?), когда смешивается сознание и подсознание, когда сознательное мышление продолжается и во сне, а подсознательная работа делается наяву. Это состояние опасно потому, что близко к психическому расстройству, близко к тому состоянию, которое описано Чеховым в «Чёрном монахе». Как писал Эйнштейн, в период создания теории относительности он доходил до галлюцинации» [12, с. 101]. Всё, что касается области пограничья, неопределённо и трудновыразимо, поэтому её описания чаще всего образные. В своё время Лейбниц мечтал о времени, когда спор двух философов можно будет заменить математическими вычислениями. Возможности математической логики возросли, но одной логики недостаточно для понимания сути творческого процесса, который не укладывается в её рациональные формы, потому что содержит интуитивный момент. Само слово «интуиция» в переводе с латинского *intuitus* буквально означает: «созерцание», «усмотрение», «видение». В исследовании пограничного состояния, как-вым является творческое «неразумение», логика и интуиция дополняют друг друга. Противопоставлять их – путь бесперспективный, и это доказано современной наукой, открывшей функциональную асимметрию мозга.

Проблема границы состоит не в том, что есть такая граница, которая устанавливает предел возможностям человека (познавательным, например), а в наличии онтологически значимых пограничных состояний, благодаря которым становится возможным выход человека к более глубокому смыслу бытия. Человек задан себе как проблема, как единство разных планов бытия – конечного и бесконечного, возможного и невозможного. Граница входит в определение бытия человека и культуры в

целом. На границе совершается событие мысли, усилие понимания бытия. Граница и есть это со-бытие, со-мышление, со-понимание, со-творчество. Граница есть символ отношения и перехода в том смысле, что она не столько разделяет, сколько соединяет противоположное. Существенным в определении границы является то, что противоположности, образующие её, значимы друг для друга. Иными словами, граница оказывается тем открытым пространством («между»), где соединяются разные горизонты смысла.

Список литературы

1. Бахтин М.М. К эстетике слова // Контекст. 1973. М., 1974.
2. Хайдеггер М. Бытие и время. Избранные параграфы // Он же. Работы и размышления разных лет / Составл., переводы, вступ. статья, примеч. А.В. Михайлова. М., 1993.
3. Хайдеггер М. Время картины мира // Он же. Работы и размышления разных лет / Составл., переводы, вступ. статья, примеч. А.В. Михайлова. М., 1993.
4. Мамардашвили М.К. Сознание – это парадоксальность, к которой невозможно привыкнуть // Вопросы философии. 1989. № 7.
5. Лосев А.Ф. Держание духа. М., 1988.
6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб., 1994.
7. Автономова Н.С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» // М. Фуко. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб., 1994.
8. Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. М., 2002.
9. Burns C.D. The Sense of Horizon. N.Y., 1934.
10. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М., 2006.
11. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М., 1995.
12. Мигдал А. О психологии научного творчества // Наука и жизнь. 1976. № 3.

THE PHENOMENON OF THE BORDER

T.V. Kulikova

The article examines the philosophical meaning of the border. The problem of the border does not consist in the fact that a border which limits the possibilities (e.g. cognitive ones) of human beings exists, but in the presence of ontologically significant boundary situations which enable the human being to become aware of the deeper meaning of being. It is in these boundary situations that the phenomenon of the border appears, the event of thought occurs as an effort to understand life.

Keywords: border, phenomenon, ontologically significant boundary situations, meaning of being, event of thought.